

*Гёран Терборн**

О границах и динамике норм и нормативного действия Социологическая рефлексия

Основные вопросы

Каково значение норм в человеческой деятельности? Каковы пределы нормативного действия? Каковы отношения между нормативным и не нормативным действием? В каких случаях нормы управляют акторами и их деятельностью? Как задаются нормы?

Какова динамика норм? Почему и как они меняются? Что управляет усилением или ослаблением, рассредоточением или концентрацией нормативного действия по сравнению с инструментальным или телеологическим действием? Что ведет к переменам в форме или содержании нормы, а также в замене старых норм новыми?

Это одни из ключевых вопросов нашего семинара. Они принимают специфическую форму в рамках каждой дисциплины, имеющей дело с нормами, но, к счастью, этот набор вопросов обеспечивает общую площадку, которую каждый из нас может достичь различным путем, чтобы затем двинуться в своем направлении.

Начать следует с признания того простого факта, что нормы в самом деле принадлежат к сферам интересов многочисленных научных дисциплин, которые редко имеют возможность взаимного диалога. Бизнес-администрирование, криминология, теория принятия решений, экономика, этика, теория игр, юриспруденция, организационная теория, педагогика, философия, политология, психология, социолингвистика, социология, теология – все они в той или иной степени сталкиваются с вопросами о нормах и нормативном действии. Идея нашего семинара заключается в том, чтобы дать каждому возможность познакомиться с подходами других.

Полезно было бы с самого начала дать определение. Нормой может быть названо предписывающее или запрещающее суждение, говорящее нам «Сделай так!» или «Не делай так!» (оно может также иметь форму одобрения или неодобрения: «Пожалуйста, сделай так!», «Пожалуйста, так не делай!»). Нормы, понимаемые в этом смысле, подразумевают целый спектр поддерживающих их механизмов – от законодательных норм, утверждаемых специальным аппаратом принуждения и санкционирования, до норм морали, существующих только в сознании индивидуума, между ними же расположен широкий ряд норм, обычно называемых социальными, предмет одобрения или осуждения для некоторой совокупности акторов. Хотя было бы, вероятно, полезно сосредоточиться на какой-нибудь из частей этого спектра, наш контекст предполагает рассмотрение всех видов норм.

Как бы ни было широко приведенное выше определение, оно не охватывает всех возможных вариантов употребления слова «норма». В частности, в него не попадают два весьма распространенных смысла. Один – это «норма» как определение, например, того, что такое метр или, в контексте сегодняшних проблем Европейского Союза, что такое фрукт. Я также не включил в свое определение представление о норме как мере распределения, то есть как о наиболее часто встречающемся значении, о том, что подразумевается под термином «нормальный».

* Семинар по нормам и нормативному действию SCASSS, Упсала, 3 июня 1998 г.

Под нормативным действием мы подразумеваем действие, вызванное к жизни нормой о том, как следует действовать. Нормативное действие – кто-то, возможно, предпочтет назвать его деонтологическим действием – отличается от теологического или инструментального действия тем, что оно не является результативным, не ориентировано на какой-то конкретный результат, значимый для актора. С другой стороны, этика ответственности, как называл ее Макс Вебер, подразумевает, что последствия такого действия важны не для самого актора, но для других людей. Классическая юридическая максима нормативного действия – *'fiat iustitia, pereat mundus'*^{*} – не является надежным путеводителем по королевству норм.

В дальнейшем я постараюсь показать парадоксальность ситуации с нормами в рамках сегодняшней социологии, а также предложить некоторую собственную социологическую рефлексию по поводу социального значения разного рода норм и их изменения. Социологическая перспектива предполагает внимание к тому, как и насколько нормы способны формировать акторов и социальные порядки, а также влиять на их изменение.

Парадокс и вызов для *Homo Sociologicus*

В сегодняшней социологии существует парадокс. В то время как общее внешнее допущение предполагает, что человек социологический есть личность, руководимая в основном социальными нормами, в рамках сегодняшних ведущих социологических школ весьма сложно найти какую-либо удовлетворительную трактовку норм и нормативного действия. В современной социальной теории главный интерес к нормам вытекал из проблематики рационального выбора (ср. Ullmann-Margalit 1977; Bicchieri 1997)¹. Наиболее серьезный вклад в изучение этой темы был внесен Джеймсом Коулменом (Coleman, 1990), принадлежащим именно к тому новому течению в социологии, которое занимается теорией рационального выбора.

Неоклассический Синтез социологии, начатый Талкоттом Парсонсом и подразумевавший переосмысление социологии XIX – нач. XX века для установления классического канона, придавал нормам огромное значение. В самом деле, представление об определенных «нормативных элементах», присутствующих в целях акторов, а также в отдельной стандартной ситуации связывающих положение актора с его целью, легло в рамках Синтеза в основу «теории сознательного действия» (Parsons 1937: 74 и далее).

Послевоенные формулировки Парсонса (напр., Parsons 1951) были нацелены скорее на социальную систему и ее «структурно-функциональный анализ», чем на теорию действия. Но и последняя не была забыта (см. Parsons and Shils 1953), и анализ социальной системы держался на признании центральной роли норм. Социальные системы характеризовались прежде всего своими ценностями, из которых выводились нормы, указывающие на конкретные способы деятельности.

Менее амбициозный с точки зрения теории и более эмпирически ориентированный вариант неоклассической социологии «среднего уровня» был предложен Робертом Мертоном, поставившим исследования норм и аномии (отсутствия норм) в центр своего анализа (Merton 1957: гл. IV-V и др.)

Однако неоклассической социологии не удалось консолидироваться и монополизировать все дисциплины. Напротив, с начала 1960-х она стала подвергаться все усиливающимся атакам, в результате чего в 1970-х перестала быть приемлемой парадигмой, хотя и не была заменена какой-либо сопоставимой по систематичности и влиятельности теорией.

^{*} Пусть рухнет мир, лишь бы закон торжествовал. – прим. перев.

¹ Американская социологическая ассоциация недавно посвятила проблеме норм специальную сессию своей конференции, Kreps (1997), Lindbeck (1997).

После Парсонса и Мертон социологи обычно принимали нормы как само собой разумеющееся понятие важное, но не принципиальное и не интересное. На мой взгляд, это означало прискорбный отказ от участия в актуальнейшем диалоге, ведущемся в современных социальных науках и экономической истории, где нормы и нормативные институты служили главными темами.

Исторические катаклизмы совершенно не обязательно должны приводить к тому, что нормы становятся неактуальными, но это все же произошло. Для этого, по всей видимости, существуют две главных причины. Одна – сам характер дисциплины, другая связана с междисциплинарными противоречиями, имевшими место в 1960-х и 1970-х.

Во-первых, большинство социологов всегда воспринимали свою науку как скорее эмпирическую и интересовались прежде всего конкретными эмпирическими проблемами. Неоклассический Синтез был по преимуществу теоретическим предприятием, и он никогда не занимал доминирующую позицию во всей сфере эмпирики. Это вечное разделение получило затем свою поддержку в концепции «социального», поддержанной большинством социологов, каковы бы ни были их взаимные противоречия. Она заключается в том, что «социальное» имеет постоянно изменяющиеся свойства и не сводимо к элементарному действию. Внимание к эмпирическим задачам и анти-редукционистские эпистемология и онтология усиливали друг друга, позволяя тем самым избегать или игнорировать базовые вопросы, связанные с пониманием действия. Вы можете делать очень интересные открытия в области, скажем, отношений на рабочем месте, межличностных связей, городской жизни, жизненного уровня, социальной мобильности или гендерных паттернов, особо не задумываясь при этом о базовых мотивах социального действия или основных свойствах социальных систем.

Во-вторых, сам характер основных теоретических противоречий в социологии также привел к тому, что нормы исчезли из поля зрения.

Парсонсианский синтез был теоретически уязвим с двух сторон. Одной из них была общая концепция управляемого нормами актора, которая оставляла мало места для других мотиваций, кроме случаев «девиации», которые, как отклонения от нормы, были по определению маргинальны или второстепенны. Критики (наиболее влиятельным из которых был Wrong 1961) подвергли атаке преобладающую в социологии «гиперсоциализированную концепцию человека». Много позже полу-парсонсианец Александр сформулировал эту проблему как контингентность действия (Alexander 1988). Другая проблема была связана с макро-уровнем и касалась источника норм. Парсонс выводил последние из ценностей и охватывающей социальную систему культуры. Его критики (Dahrendorf 1959, Rex 1961 и другие) подняли вопрос о власти, о том, что нормы могут быть навязаны и, соответственно, служить причиной конфликта.

По мере того, как эта теория подвергалась атакам, становилось ясно, что она уязвима и с эмпирической точки зрения. У Парсонса было много одаренных учеников, большей частью в США, и он был вдохновителем значительного числа эмпирических исследований, как на микро-, так и макро-уровне, но Парсонсианский Синтез все же предлагал именно аналитическую и интерпретационную рамку, а не объяснение предшествующих эмпирических головоломок. Не удалось достичь эмпирического прорыва, который мог бы быть предъявлен как аргумент в защиту Синтеза.

Неоклассический Синтез социологии не удался, и в результате возникло много различных подходов, разнообразие которых не было столь разрушительно, как это могло бы показаться, именно из-за эмпирической ориентации дисциплины. Каждый подход вносил свой вклад в познание социального мира.

Существующий широкий набор возможностей можно объединить в два больших направления. С одной стороны, произошел поворот от нормативного к когнитивному и коммуникативному, от социализированных в рамках данной культуры членов сообщества с интериоризованными нормами к «познающим агентам» (Giddens) и коммуникаторам

(Habermas 1981). С другой стороны, с помощью форм, предложенных историческим материализмом, под влиянием структурной лингвистики и антропологии, прежде всего изменилось понятие связанной с актором социальной структуры. «Структуралистский» переворот привел к возобновлению интереса к «структуре и пространству действия» (agency)», наиболее впечатляющим результатом в этом направлении, вероятно, является концепция «двойственности структуры» Энтони Гидденса (1984: 25 и сл.), делающая акцент на том, что законы структуры являются одновременно и ресурсами, используемыми акторами, и результатом их деятельности; а также представление предрасположенностей (dispositions) акторов в виде их «хабитуса», концептуализированное Пьером Бурдьё (1987: 127 и сл., 155 и сл.).

Нормативность, однако, остается вне фокуса внимания, хотя всегда присутствует в качестве фона. Но все же ряд крупнейших современных социологов выдвинули понятия «морального фактора» или «морального порядка», а также «нормативно-аффективное» на передний план (Etzioni 1988; Wuthnow 1987, 1991).

Другими словами, было бы неверным воспринимать социологию через призму концепции *homo sociologicus* как Нормативного Человека, аналогичного максимизирующему прибыль Экономическому Человеку. Скорее, мы сможем понять главный аспект различных направлений в экономике и социологии, рассмотрев, какими основными понятиями они пользуются в качестве ключевых переменных в теории деятельности.

Таким образом, нам следует разработать аналитическую схему объяснения деятельности. Ее базовыми элементами являются совокупность акторов, совокупность ситуаций (или условий) и совокупность действий. Идеалистический эманационизм* предполагает исчезновение из этой схемы ситуаций, крайняя форма структурализма сводит акторов к их ситуациям (положениям в системе), но мы в данном случае имеем дело с основным направлением междисциплинарной социальной науки. Имея задачу объяснения социального действия, мы принимаем во внимание два фактора, для каждого из которых мы можем различить два основных способа объяснения, принятых в социальных науках, различающихся своей трактовкой набора акторов и набора ситуаций.

Факторы, размещающиеся с правой, объясняющей стороны нашей формулы, могут быть разделены на переменные и заданные или случайные. Два последних, несомненно, синонимичны, но они имеют одну важную общую черту – их не надо исследовать. Поэтому с точки зрения эмпирической социальной науки, заданные и случайные факторы применительно к конкретной ситуации могут считаться эквивалентом.

Схема 1. Способы объяснения человеческого действия.

Акторы

Ситуации

Заданные/Случайные

Переменные

Заданные/Случайные

Неоклассическая экономика

Рациональный выбор

Бихевиористская и экспериментальная психология

Переменные

Основные направления социологии,
антропологии и политологии

* Эманационизм (emanationism) – метафизическая доктрина, существующая в гностицизме и особенно неоплатонизме. Плотин считал физический мир эманацией «мировой души», которая, в свою очередь, является эманацией божественного присутствия, которое, в свою очередь, является эманацией более высокого божества и т.д. - прим. перев.

Динамическая психология

В характерном для экономики способе объяснения действие объясняется с помощью изменения ситуации, в основном это касается соотношения цен и доходов. Акторы являются заданными, посвятившими себя максимизации выгоды, со «стабильными предпочтениями»: «Предполагается, что предпочтения существенно не изменяются во времени, несущественно различаются у богатых и бедных и даже у представителей различных обществ и культур. Это допущение о стабильности предпочтений обеспечивает надежное основание для прогнозирования реакции на различные изменения...» (Becker 1976:5).

Изменение ситуации определяется возможным соотношением затрат-выгоды, получаемым в результате использования разных возможностей в момент выбора. Когда (предполагаемые) стимулы меняются, акторы действуют другим образом, и характер их действий предсказуем. Допущения о принципе максимизации и о стабильности предпочтений не предполагают с непереносимостью исключительно эгоистические или материальные предпочтения, они даже не обязательно бывают универсально одинаковыми. Главный момент заключается в другом, а именно, в том, что для экономических объяснений и прогнозов характерно исходить из базового допущения об акторах с заданными предпочтениями, схемами принятия решений и ограничениями.

Социологи, как и антропологи, а также представители основных политологических школ, исходят из предположения о том, что акторы отличаются друг от друга в зависимости от принадлежности к различным категориям и группам, а также в зависимости от исторического периода. С точки зрения социологии и антропологии, социальное действие различается, потому что различаются акторы. Они принадлежат к различным группам или культурам, они имеют разные позиции, роли и положение в социальных системах и социальных сетях, они могут иметь разные материальные или символические ресурсы. Для задач социологического исследования важно понять, чем именно и насколько сильно различаются акторы, и какое количество акторов имеет эти отличия.

С другой стороны, вариативность ситуаций или обстоятельств действия обычно принимается как случайная или заданная, хотя и может приниматься во внимание так же, как и в экономических объяснениях, в которых вариативность самих акторов рассматривается как ограничение. Возможности, доступные социологическому актору, как правило, различаются не в зависимости от обстоятельств конкретного действия, а в зависимости от его ценностей, норм или интерпретации ситуации, а также в зависимости от позиции актора в социальной структуре².

Социологи обычно не принимают во внимание различия в ситуациях, что и нашло выражение в старой шутке, гласящей, что социология является наукой о том, почему у людей нет никакого выбора.

Нормативный Человек, таким образом, может быть рассмотрен как часть большого набора объяснительных схем, в рамках которых действие в основном рассматривается скорее в терминах различий в характеристиках акторов, чем в терминах ожидаемых от изменения ситуаций результатов.

Совмещение двух объяснительных подходов может принять форму формулирования взаимных противоречий, то есть, социологического сомнения в заданности/случайности акторов и наоборот, экономического сомнения в заданности/случайности ситуаций, либо сводимых к положению в структуре, либо к интерпретациям и/или оценкам самих акторов, либо случайно варьирующихся.

² Последняя иногда может восприниматься как «ситуация» актора, но «ситуация» является его более или менее постоянной характеристикой, и ее не следует смешивать с обстоятельствами конкретного фрагмента действия, которое нуждается в объяснении. Альтернативы здесь культурно определены или «структурно заданы».

Нормативные и другие действия

Нормативные действия, обозначаемые как действия во имя того, что (как считается) правильно, являются одним из трех основных видов человеческих действий, наряду с телеологическими действиями, направленными на достижение определенного результата, и эмоциональными действиями, выражающими чувства гнева, скорби или радости.

Не все виды действий, предпринимаемых со знанием норм или следующие нормам, можно считать нормативными действиями. Люди могут следовать нормам по нескольким различным причинам, и только один набор причин соотносится с тем, что мы в данном случае понимаем под нормативным действием. Следование нормам может быть инструментальным, либо ради вознаграждения, либо с целью избежать насилия. Мы можем вести себя конформно из желания принадлежности к некому сообществу и/или позитивной оценки и уважения, или из страха выглядеть нелепо, подвергнуться остракизму, увольнению или юридическому наказанию. Есть все основания полагать, что человеческое поведение большей частью бывает мотивировано разнообразной смесью принципа максимизации выгоды и нормативности.

Нормативное действие, предпринимаемое ради следования нормам как таковым, может происходить по различным причинам. На одном полюсе мы можем отметить подсознательные привычки или рутину, источники усвоения которых мы уже давно забыли или, по крайней мере, обычно о них не думаем. Многие из наших наиболее частых повседневных действий относятся к этой категории, например, наша манера говорить или ухаживать за собой, телесные практики, ассортимент питания, стиль работы. Другими словами, мы делаем многие вещи, потому что мы считаем правильным так поступать, особенно (или вообще несколько) не задумываясь об этом.

С другой стороны, нормативные действия могут вытекать из рационального знания (или того, что им считается) о последствиях таких действий для окружающего мира, при этом игнорируется (или имеет лишь второстепенное значение) выгодность результата этих действий для самого актора.

Между двумя полюсами нормативно-конформного действия, один из которых основан на привычке, а другой на рациональном знании, существует обширный ряд нормативных действий, которые вызывают наиболее интересные аналитические вопросы. На мой взгляд, мы можем посмотреть на это следование нормам между привычкой и рациональным пониманием под двумя углами зрения.

С одной стороны, мы можем следовать норме исходя из нашей *идентификации* с источником данной нормы и соответствующих ценностей. Источником нормы может быть конкретная личность, организация или доктрина. Это не просто вопрос о «интериоризации» нормы, но прежде всего, о связи нашего индивидуального самоосознания с источником нормы. Последний, таким образом, придает смысл нашей жизни (на время своего существования). Мы даже можем быть готовы рисковать жизнью во имя существования источника нормы. Нация и религия являются наиболее распространенными источниками норм, призывающими нас быть готовыми к предельной жертве, а именно к согласию отдать жизнь. Но идентификация важна также в менее героических смыслах – объектом идентификации могут быть родители, учителя, выдающиеся сверстники, спортивные или поп-«звезды». Мы можем также идентифицироваться с процедурой, например, легитимным способом делать какие-то вещи – скажем, с помощью демократического голосования или согласно юридическим законам.

В рамках коллектива, с которым мы себя идентифицируем, наши действия обычно соответствуют определенным нормам. В экстремальных случаях другие воспринимаются как недо-люди, к которым нормы не применимы. Войны между республиками, на которые

распалась Югославия, дали миру много подобных примеров. Таким образом, коллективная идентичность акторов может определять набор действующих норм.

С другой стороны, мы можем следовать нормам из *самоуважения*. Это продукт глубокой интериоризации (к условиям, обеспечивающим такую интериоризацию, мы обратимся ниже). Для большинства из нас существуют определенные вещи, которых мы не делаем, и определенные вещи, которые мы делаем, независимо от того, как ведут себя другие люди. Иначе мы будем испытывать чувство отвращения, омерзения, презрения к себе, не говоря уже о стыде и чувстве вины. Эти запреты могут простираться от питания «мертвыми животными» до «штрейкбрехерства», от донесения в полицию до мошенничества, от попрошайничества до эксплуатации неимущих.

Насколько мне известно, ни следование нормам из идентификации, ни из самоуважения до сих пор почти не исследовалось, по крайней мере, в социологии.

По способу своего функционирования в человеческих взаимодействиях нормы могут быть разделены по меньшей мере на три главных типа. Один из них составляют *конституирующие* нормы, которые определяют систему действия и участие в нем актора. Они устанавливают правила игры. По отношению к актору это нормы поведения, включения, подходящего языка, гигиены и телесных практик, манер. Они включают знаки чести и определения человеческого достоинства, а также подходящей социальной компетентности.

Другой набор состоит из *регулятивных* норм, обозначающих ожидаемые от актора вклад, исполнительность и выполнение задач, поставленных системой. Наиболее распространенные их примеры – нормы работы, семейные и другие социально-предписанные роли, нормы поведения члена группы.

К третьей группе относятся *распределительные* нормы³, указывающие как в данной социальной системе должны размещаться вознаграждения, затраты и риски.

Другими словами, нормы определяют значение членства в социуме, ожидаемый от членов вклад в социальную систему и соответствующее вознаграждение за их членство и/или вклад. В этом качестве нормы вездесущи, они играют центральную роль в функционировании любой социальной системы, большой или маленькой.

Три эти типа норм имеют разную социальную значимость. Первостепенное значение имеют наиболее глубоко интериоризованные нормы поведения, поскольку они определяют, что значит быть полноценным, компетентным членом социальной системы. Если вы не говорите на определенном языке и не «ведете себя» подходящим образом, вы не принадлежите ей, вы находитесь вне. Вы не можете быть, например, нормальным взрослым человеком, или шведом, или экономистом. Три типа норм имеют разную глубину и разную динамику. Обычно представляется, что нормы поведения наиболее глубоко интериоризованы актором, и их нарушение вызывает наиболее сильную реакцию. Серьезные нарушения норм поведения обычно влекут за собой отвержение, исключение, и даже отторжение и отвращение.

Говоря об интериоризации, я не могу сказать, являются ли регулятивные и дистрибутивные нормы более глубоко интериоризованными по сравнению друг с другом, но мне представляется, что нарушение дистрибутивных норм вызывает более сильную реакцию. Ощущение нечестности и несправедливости дает мощный стимул к действию. С другой стороны, регулятивные нормы вклада или выполнения значимы как критерий статусной атрибуции в рамках социальной системы.

Нормы обычно представляют собой не единичные правила, но часть иерархично организованной системы, простирающейся от высших принципов до правил, применимых лишь в отдельных ситуациях. Благодаря этому нормативное действие обладает существенной гибкостью интерпретации и осуществления, на что редко обращают внимание.

³ Распределительные нормы могут также восприниматься как регулятивные нормы второго уровня.

Институты и другие системы действия

Общая дискуссия о нормах должна быть соотнесена с институтами – часто употребляемое и весьма произвольно определяемое в наши дни слово. Хотя институты и институционализация рассматриваются некоторыми социологами преимущественно в когнитивных терминах, и соотносятся с «типологизацией» и формированием коллективных представлений о мире (или его части), более распространен подход, основанный на нормах и ценностях. Институтами, таким образом, правильнее было бы считать имеющие внешние границы комплексы норм, включая конституирующие нормы поведения, регулятивные нормы вклада/выполнения и распределительные нормы. Нормы данного института могут быть формальными или неформальными, явными или подразумеваемыми. К этим институциализированным комплексам норм прилагаются системы санкций против их нарушителей. В развитых обществах эти институциональные санкции часто, хотя и не всегда и не по определению, подкрепляются законом и юридическим воздаянием или наказанием. Семья (определенного исторического вида) – классический социологический пример, приводимый когда речь идет об институтах, но можно также вспомнить, скажем, о частной собственности или парламентской демократии как институтах в этом же смысле слова.

Для того чтобы составить общее представление об институтах, вероятно, стоит разместить их в рамках спектра нормативного и не-нормативного действия, чтобы выделить затем принципиально различные способы институциональной регуляции.

1. Не-нормативное и в связи с этим не-институциональное действие

Сюда, прежде всего, следует поместить все разнообразие сингулярных индивидуальных действий и деятельностных стратегий, также как и недолговечные формы интеракции, такие как повседневные столкновения или толпы. Нормы вторгаются в действия акторов только как часть общей организации человеческой деятельности через посредство социального обучения, в основном с помощью правил языка.

Но сюда же относятся долговременные формы интеракции, а именно *властные игры*. Отношения между суверенными государствами, бандами или объединенными группами независимых индивидуумов хорошо репрезентируют этот пример, но такие же примеры легко могут быть найдены во внутренней жизни диктаторских государств или банд. Интеракции этого вида не обязательно являются насильственными или мошенническими, но подразумевают контролируемые властные отношения и рациональный интерес. Нормы принимаются акторами во внимание только в терминах затрат и выгоды.

2. Институты или институциализированные системы действия

Институты бывают двух основных видов, и каждому соответствует свой тип нормативной регуляции. Оба эти вида имеют конституирующую нормативную рамку, определяющую подобающее и неподобающее поведение. Но они различаются способом регуляции правильного поведения. В первом из них акторы могут свободно выбирать стратегию и предпринимать шаги в соответствии с ней. Во втором сам характер и часто последовательность шагов предписываются нормами.

Мы можем назвать первую категорию институтов соревновательными играми или *нормативными рамками* (легитимной) максимизации. В качестве «игр» они имеют нормативные уставы, предписывающие количество шагов, но в рамках игры акторам позволяется и от них ожидается максимизация их выгоды. Сюда принадлежат все соревновательные игры, но важнейшими из институтов этого вида являются гражданские общества и рынки (во всем своем разнообразии). Гражданские общества и рынки, в свою очередь, могут быть представлены как каркасы таких институтов, как плюрализм,

конституции, юридические законы, имущественные права и т.д. В этих рамках, запрещающих властные игры насилия и обмана, акторы могут максимизировать свою выгоду. Однако институциональные рамки необязательно бывают конгруэнтными друг другу.

Вторую большую разновидность институтов мы можем назвать *ролевыми играми*. Театральная метафора здесь будет весьма уместна. Пьеса может быть по-разному прочитана и поставлена, характеры различным образом интерпретированы, и игра актеров отличается. Социальный спектакль, как и театральный, дает актерам несколько уровней свободы, но всегда существует набор ролей, которые должны быть сыграны. В самом деле, ролевые игры вне театральной сцены редко предписывают актерам жесткую линию, но скорее, определенный ограниченный набор возможных вариантов поведения и поступков.

Ролевые игры в современной социальной жизни не менее важны, чем рынки. Каждое современное общество имеет по меньшей мере три социальных сцены, на которых каждый день разыгрываются важные ролевые игры. Одна из них – это *семья*, пьеса, либретто которой за последнее время было радикально переписано. Но роли отца, матери, дочери, сына, брата, сестры, бабушки, дедушки и других родственников по-прежнему существуют со всеми своими ожиданиями, обязательствами, правами и наборами предписанных действий.

Другой такой сценой является *мир работы*, со всем своим огромным количеством ролей работников, каждая из которых имеет набор норм, указывающих, что делать, чего не делать и каким образом. Следует добавить, что работа является ролью, даже если она выполняется в контексте рынка. Продавец также играет свою партию.

Третья большая сцена представляет собой *организованную репрезентацию*, со своими играми в демократическую политику, ассоциации и лоббирование. Что может или не может, должен или не должен делать член кабинета министров, политик, депутат или представитель большей частью предписано конституциями и уставами, директивами и общественным мнением.

Исполнение нормативных Ролевых Игр составляет «обязательное действие» или «регулируемое правилами поведение» в том смысле, в котором об этом писали Марч и Олсен, но дифференциация норм отличается большей специфичностью, чем «правила» Марча и Олсена и многих других «институционалистов», под которыми они подразумевали «заведенные практики, процедуры, конвенции, роли, стратегии, организационные формы и технологии, вокруг которых конструируется политическая деятельность. Мы также подразумеваем верования, парадигмы, коды, культуры и знания, которые окружают, поддерживают, вырабатывают и вступают в противоречие с этими ролями и практиками» (March and Olsen 1989: гл.2).

Рынки и Ролевые Игры находятся друг с другом чаще в отношениях симбиоза, чем конкуренции. Во многих случаях на рынках распределяются входные билеты, которые позволяют играм осуществляться. На рынке труда распределяются билеты для профессиональных ролевых игр, на электоральном рынке – для игр в представительство, а на рынке секса и брака распространяются билеты для семейных игр.

Существует также третий вид важных институциональных действий, в которых нормативные предписания гораздо жестче, чем в ролевых играх. Но они обычно трактуются скорее как специальная часть институциональных или организационных ролевых игр, чем институт как таковой. Это *ритуалы*, церемонии, формальные процедуры. Не предполагается их интерпретация или разнообразие исполнения, но они должны осуществляться строго согласно правилу, литургии или протоколу, хотя искусство исполнения среди всех задействованных акторов редко бывает одинаковым. Ритуалы служат дисплеями норм, и поэтому важны для усиления их воздействия.

3. Не-институциональные нормативные действия

Поле нормативного не исчерпывается институтами. На другом конце спектра человеческой деятельности мы можем обнаружить огромное количество действий, предпринятых под воздействием *личных норм*. Они распространяются, скажем, от добровольного участия в справедливой войне до правозащитной деятельности. Личные моральные убеждения часто могут очень строго предписывать и запрещать, но актер помнит о возможности «исключения из правил».

Условия лояльности нормам

В современной социологии, насколько мне известно, не предпринимается систематических усилий для формулирования хотя бы промежуточных выводов из исследований о детерминантах следования нормам и их нарушения. Поэтому будет весьма уместно привести здесь результаты, полученные в области педагогики и криминологии. Мы можем представить, что лояльность нормам и их нарушение как процессы, имеющие протяженность во времени, подчиняются логистической модели и графически имеют S-образную форму со своими провалами и пиками (ср. Schelling 1978). Но каковы в таком случае переменные и механизмы, стоящие за этой моделью, т.е. за конкретной ситуацией, в которой находятся акторы? И если мы хотим усилить или ослабить лояльность нормам, на что мы должны воздействовать?

Здесь, видимо, можно говорить о трех типах ключевых переменных. Одним из них, очевидно, является *социализация акторов*. Она зависит не только от рамок, продолжительности, последовательности и интенсивности внушения. На нее также решительным образом влияет формирование идентичности акторов. Имеется в виду, насколько они испытывают самоуважение и уверенность в себе, насколько сильна их идентификация с источником нормы. Процесс формирования идентичности естественно приводит к постепенному нарастанию добродетельности или порочности, вызванному эффектом воздействия социализирующих на социализированных, родителей на детей, учителей или лидеров на их последователей. Не уверенный в себе, непривлекательный, непоследовательный в следовании нормам воспитатель (*socializer*), скорее всего, породит последователей, имеющих низкую уверенность в себе и малую приверженность нормам, которые им передавали, и эти черты они, вероятно, передадут также и следующему поколению.

Когда процесс идентификации проходит слабо, даже тоталитарная власть воспитателей редко может достичь успеха во внушении желаемых норм. Это, видимо, общая проблема, затрагивающая управление тюрьмами и оккупированными территориями. Вместо интериоризации официальных норм, происходит их столкновение с негласными контр-нормами. Уклонение от официальных норм может стать правилом.

Второй вид переменных – это *институты*. Чем более четко данный институт оформлен, более внутренне последователен, более совместим и взаимосвязан с другими институтами, тем больше вероятности, что его нормы будут соблюдаться. Понятно, конечно, что разные институты – будь то частная собственность, парламентская демократия или нуклеарная семья – значительно различаются в этом отношении в зависимости от той социальной системы, к которой они принадлежат.

Наконец, вполне естественное переплетение видов мотивации в человеческой деятельности делает очень важной *состыковку норм и стимулов*. Чем сильнее системы вознаграждения коррелируют с системой норм, тем более высокой лояльности нормам можно ожидать. Можно сказать, что это настолько очевидно, что граничит с банальностью. Но выработка оптимального соответствия норм и стимулов в сложных обществах, с большим количеством норм и сложными системами вознаграждения, является весьма непростой институциональной задачей. Не способствует ее решению и существующая в академической науке традиция рассматривать нормы и стимулы вне связи друг с другом.

Динамика норм

Разговор о динамике норм предполагает проблематику двух видов. Одна связана с нормативными практиками данного актора или группы акторов, осуществляемых последовательно во времени. Другая относится к спросу и предложению в сфере норм, существующим для всего населения данного общества. Первая связана с такими вопросами, как интерпретация норм, следование им или отклонение от них, оппортунизм, доверие, отслеживание и принуждение к соблюдению норм. Вторая адресована не только к вопросам индивидуального обучения и культурной эволюции (рассматриваемых с теоретической точки зрения (напр., Vicchieri et al. 1997), но также и к усиливающемуся падению морали и нарастанию чувства несправедливости, призывам к регуляции (или отказу от регуляции), нормативному дискурсу, блюстителям морали, социальным движениям, нормативным мобилизациям, законодательству и учреждению или изменению праворегулирующих организаций.

Силы, способствующие изменению, мы можем разделить на две группы: одна, внутренне присуща человеческой нормативной деятельности, другая, внешняя, связанна с социальными условиями, решительным образом влияющими на нормы и нормативную деятельность.

Влиятельные внешние силы нормативных изменений

С социологической точки зрения, можно говорить о четырех главных силах изменений, влияющих как на следование действующим нормам, так и на спрос и предложение в сфере норм.

Наиболее важными, вероятно, являются изменения в отношениях *власти* – под которыми подразумевается совокупность ресурсов и возможностей, воспринимаемых акторами как доступные. По отношению к динамике норм, соответствующая власть может эффективно действовать через два весьма различных механизма, вытекающих из разных видов функционирования норм. Главная функция учреждения норм – это контроль за действиями других, а главная функция следования нормам – самоконтроль. Первая связывает нас с блюстителем морали и социальными движениями, вторая – с проблематикой идентичности и самоуважения.

По отношению к нормам как средству контроля за другими людьми, уместно введенное Джеймсом Коулменом (James Coleman 1990: 247-8) различие между «целевой группой» и «заинтересованными лицами» («бенефициариями»). Главное здесь то, что люди, которые учреждают и поддерживают нормы, необязательно являются теми же людьми, от которых ожидается соблюдение этих норм. Нормы того, что дети должны и не должны делать, обычно учреждаются и поддерживаются взрослыми, которые сами не видят причины им следовать. Патриархальные нормы женского поведения также относятся к таким рассогласованным нормам, особенно касающиеся добродетели и сексуальности. В существующих попытках формирования глобальных норм некоторые явно рассчитаны на объединение всех людей, например, такие, как нормы против разрушения атмосферы газовыми выбросами, в то время как другие, такие как попытки запрещения военных преступлений, направлены преимущественно на определенные группы, хотя и не являются в полной мере рассогласованными в том смысле, о котором писал Коулмен.

Этот спектр, от полностью согласованных до полностью рассогласованных норм, важен для понимания их динамики, поскольку показывает возможные отношения между нормоучредителями и теми, для кого эти нормы предназначаются. И тут огромную роль играют соответствующие властные отношения.

Поскольку существует различие между «бенефициариями» – заинтересованными в соблюдении норм лицами, и целевыми группами для этих норм, следование нормам,

утверждение и разрушение норм, скорее всего, будут меняться по мере изменений властных отношений между первыми и вторыми. Поскольку мы имеем дело с комплексами норм, называемыми институтами, мы должны ожидать, что они будут меняться медленнее, чем соответствующие властные отношения. Эти властные отношения существуют как на микро-, так и на макроуровне, между отцами и дочерьми или патронами и агентами, так же как и между социальными общностями и государствами. Если говорить о конформности данных акторов, изменение властных отношений между целевыми группами и «бенефициариями» (заинтересованными лицами) влияет и на их (де)стимулирование и на идентификацию.

Во-вторых, власть альтернативных источников нормативной идентификации также управляет динамикой норм. Важность этой власти особенно наглядна по отношению к присоединению или отвержению таких обширных систем норм и ценностей, какими являются религии или секулярные идеологии, в которых власть или эффективность норм слишком косвенная, сложная или необязательная с точки зрения чисто рационального восприятия. Мировые религии распространяются властью оружия и коммерческого преуспевания. Присоединение к социализму подкреплялось властью Советского Союза, и повернулось вспять с упадком и распадом последнего. Современное усиление религиозных норм в исламском мире произошло большей частью из-за поражений и фрустраций, из-за ослабления светских моделей развития.

Вторая сила, воздействующая на динамику норм, порождается к жизни *результатами распределения*. Последние весьма сильно влияют на потребность в нормах. Наличие норм распределительной справедливости, честности и взаимности, каковы бы ни были их исторические корни, естественны для человеческих сообществ, и, как правило, их строго придерживаются. Представление об их нарушении порождает требование санкций и/или более строгого регулирования. Как исторические свидетельства, так и психологические эксперименты говорят о том, что здесь большую роль играет норма, на которую можно сослаться, чаще всего это уже существующий порядок вещей.

Утверждение новых или укрепление старых норм распределения является результатом чувства покаяния моральных основ и соответствующих властных отношений.

В-третьих, утверждение и сохранение дальнейшей жизнеспособности норм управляется непредсказуемым *запасом источников идентификации*. Последние часто воспринимаются как блюстители морали. Харизма таких фигур, служащих объектом идентификации, является переменной огромного значения. Этот концепт обычно был связан с основателями религий и религиозными лидерами, но может также относиться и к светским «звездам».

Личная харизма не может быть ни передана другому человеку, ни унаследована. Но ее сила и, соответственно, источники идентификации могут воспроизводиться. Это происходит, когда решающую роль играет нарратив, нарративы об основателях и других героях или критических моментах в существовании той или иной религии, страны, движения, корпорации, которые дают другим поколениям примеры для следования. Иконы и другие визуальные имиджи служат той же цели воспроизведения во времени источника идентификации. Ритуалы помогают поддерживать коллективную память. Их сила в этом отношении иногда невероятно впечатляюща, особенно в религиях, существующих уже более тысячелетия.

Наконец, нормы подвержены влиянию изменений в *знаниях*, как в личном опыте самих акторов, узнающих о возможностях альтернативного поведения, так и в научном знании. Последствия Великой депрессии рыночных экономик вызвали к жизни более экономную нормативную модель экономического поведения, в то время как после событий 1980-х годов в Великобритании, США и Чили во всем мире расцвела дерегулированная экономика и приватизация. Научное знание о влиянии табака на глобальное изменение климата, например, вызвало запрещение курения во многих местах и появление норм, ограничивающих выбросы в атмосферу.

Особый когнитивный эффект имеет изменение значения того или иного вида действия для заинтересованных в нем людей («бенефициариев»). Например, строгие нормативные требования, предъявляемые к членам боевых, военных, политических, религиозных организаций, теряют для их руководителей значение во времена мира и компромисса. Также и поведение и помощь детей становятся менее важными для родителей, если они сами работают и зарабатывают достаточно, чтобы прокормить семью.

Расширение известного набора источников идентификации означает, при прочих равных обстоятельствах, ослабление их относительной власти. Очень амбициозные с точки зрения норм предприятия, такие как монастыри, секты и тоталитарные государства, стремятся поэтому держать своих членов или свое население подальше от внешнего мира.

Внутренние процессы нормативных изменений

Независимо от того, что происходит с властными отношениями, результатами распределения, количеством источников идентификации и сознанием акторов, существует по меньшей мере две внутренние проблемы, с которыми любая система нормативного действия сталкивается с течением времени. Одна из них – демографические процессы среди населения, другая – необходимость интерпретации норм.

Люди как акторы являются пользующимися языком, обучающимися в рамках определенной культуры и сознательно рассуждающими существами. Это означает, что все нормы являются предметом интерпретации со стороны акторов. Главное исходное положение социологии – представление о том, что акторы различаются, приводит социологов к подозрению о том, что акторы, скорее всего, могут различным образом интерпретировать ту или иную норму. Подчинение нормам может определяться в широком и узком смыслах. Оно может иметь выхолощенное значение и быть чисто ритуальным, исключительно «для публики». Но оно может и быть подверженным инновациям в виде новой интерпретации нормы или переосмысления внутренней структуры всего корпуса норм.

Социологический подход предполагает, что нормативные инновации группируются где-то на верхнем уровне данного социального порядка, поскольку там существуют ресурсы и оттуда возможен общий взгляд на ситуацию, либо на самых его границах, где возможен контакт с другой системой норм. Чисто символическое следование существующим нормам и разрыв с ними, скорее всего, произойдут на нижних уровнях данной иерархии, причем разрыв случится в среде маргиналов.

Из неизбежно интерпретативного характера следования нормам вытекает и *демографическая* проблема, которую не следует смешивать с эволюционной генетикой, используемой в теории игр (напр., Axelrod 1997). Новые члены семьи, церкви или партии, новые работники на предприятии, новые граждане государства вряд ли будут идентичны своим предшественникам. Поэтому их интерпретации данных норм будут иметь тенденцию к хотя бы небольшому отличию, связанному со спецификой жизненного опыта новичков. Старшие члены институтов и организаций обычно бывают этим обеспокоены и активно стараются социализировать новичков в рамках данной системы норм.

Ритуал можно охарактеризовать как дисплей системы норм, и предписанные ритуалом нормы не выполняют других функций, кроме дисплея данной нормативной системы. Поэтому он меньше зависит от интерпретации акторов, чем другие нормы, которые выполняют функции руководства жизнью акторов. В то время как ритуалы в сравнительно малой степени подвергаются давлению перемен, другие нормы по ходу существования системы обычно претерпевают постепенную эволюцию и сдвиги. Скорость и направление последних, в принципе, предсказуемы, поскольку зависят от положения актора в данный исторический период в данной социальной системе. Из трех типов норм, рассмотренных выше, регулятивные нормы наиболее подвержены эволюционным изменениям в своей интерпретации по сравнению с более глубоко интериоризированными нормами поведения и распределения.

Заключение: нормам бросают вызов

Нормы представляют собой не только точку аналитического пересечения разных дисциплин. Нормы являются также центральными нормативными вопросами современного мира. Борьба с массовыми и насильственными попраниями норм оказывается в центре внимания внутренней политики во многих обществах, сталкивающихся с насилием в школах и других сферах жизни молодежи, с взрывами ксенофобии и преступности. Создание соответствующих институтов стоит на повестке дня во многих частях мира, в частности, эффективное государственное строительство в Африке и других бедных странах Третьего мира, создание капиталистических рынков и демократических правительств в посткоммунистических государствах. На мировой арене предпринято несколько попыток формирования глобальных норм по отношению к правам человека, загрязнению окружающей среды, защите глобальных природных ресурсов, таких как океаны или первобытные дождевые леса. Глобализация рынков влечет за собой необходимость создания глобальных нормативных рамок экономических трансакций.

Перед лицом всех этих проблем и интересов, задача науки и ученых по исследованию возникновения функционирующих норм, механизма следования им и динамики их изменения, очевидно, превышает возможности не только отдельного ученого, но даже и отдельной дисциплины. Существует одновременно пространство и необходимость для объединения усилий для понимания и анализа. Междисциплинарные встречи выполняют свою функцию, даже если они всего лишь дают ученым возможность познакомиться с подходами, существующими в других науках. Но такая осведомленность, такое принятие в расчет достижений других дисциплин могут также послужить источником вдохновения, поводом для критики или примером для подражания. Некоторые ученые, имеющие высокий уровень терпимости по отношению к разным точкам зрения, могут также счесть плодотворным объединение с целью экспертизы какой-либо другой отрасли знания в каком-нибудь совместном проекте.

Нормы и их попрание влияют на всех нас и всех нас заботят.

Перевод с английского И.Н. Тартаковской

Литература

- Alexander, J. 1988. Action and Its Environments. New York, Columbia University Press
- Axelrod, R. 1997. The evolution of strategies in the iterated prisoners dilemma, in Bicchieri, C., et al. (eds.) 1997. The Dynamics of Norms. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 1-16.
- Becker, G. 1976. The Economic Approach to Human Behavior. Chicago, Chicago University Press
- Bicchieri, C., et al. (eds.) 1997. The Dynamics of Norms. Cambridge, Cambridge University Press
- Bourdieu, P. 1987. Choses dites. Paris, Ed. de Minuit
- Coleman, J. 1990. Foundations of Social Theory. Cambridge Mass., The Belknap Press.
- Dahrendorf, R. 1959. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, Stanford University Press
- Etzioni, A. 1988. The Moral Dimension. New, The Free Press
- Giddens, A. 1984. The Constitution of Society. Cambridge, Polity Press.
- Habermas, J. 1981. Theorie des kommunikativen Handelns. 2 vols. Frankfurt, Suhrkamp.
- Kreps, D. 1997. Intrinsic Motivation and Extrinsic Incentives, American Economic Review 87:359-64

- Lindbeck, A. 1997. Incentives and Social Norms in Household Behavior, *American Economic Review* 87:370-77.
- March, J., and Olsen, J. 1989. *Rediscovering Institutions*. New York, The Free Press.
- Merton, R. 1957. *Social Theory and Social Structure*. New York, The Free Press.
- Parsons, T. 1937. *The Structure of Social Action*. Glencoe Ill., The Free Press
- Parsons, T. 1951. *The Social System*. New York, The Free Press
- Parsons, T., and Shils, E.(eds.) 1953. *Toward A General Theory of Action. Theoretical Foundations for the Social Sciences*. Cambridge Mass., Harvard University Press
- Rex, J. 1961. *Key Problems in Sociological Theory*. London, Routledge and Kegan Paul.
- Schelling, T. 1978. *Micromotives and Macrobehaviour*. New York, W.W. Norton
- Ullmann-Margalit, E. 1977. *The Emergence of Norms*. Oxford, The Clarendon Press
- Wrong, D. 1961. The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology, *American Sociological Review* 26: 183-93.
- Wuthnow, R. 1987. *Meaning and Moral Order*. Berkeley, University of California Press
- Wuthnow, R. 1991. *Acts of Compassion*. Princeton, Princeton University Press